

Речь товарища М. А. ШОЛОХОВА

Товарищи делегаты! Как вам было уже сообщено нашим секретарем тов. Сурковым, советская литература не имеет своего плана на шестую пятилетку. К этому мне остается только добавить, что если бы какой-либо план и существовал, то, уверю вас, он все равно не был бы выполнен и потому, что туда наши сугубо специфичен, и потому, что, по правде говоря, нет у нас в стране более неорганизованных людей, чем мы — писатели. (Смех).

В Союзе советских писателей 3.247 членов союза и 526 кандидатов, всего 3.773 человека, вооруженных перьями и обладающих той или иной степенью литературного мастерства. Как видите, я, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а поэтому разрешите мне с грубоватой прямотой спросить у Вас в свою очередь: может ли на вид немало, но пусть вас и не страшит и не радует эта цифра. (Смех, оживление).

Все это же только «на вид», а на деле в значительной части писательский список состоит из «мертвых душ». (Аплодисменты).

Жаль только, что нет в наше время чиковых, а то бы Сурков, несмотря на всю его коммерческую неопытность, одной крупной торговой операцией сумел бы наложить для Союза писателей целое состоянное. (Смех, аплодисменты).

Я обязан сейчас, с глазу на глаз со своей родной партией, говорить о литературе пусть горькую, но правду. Этого требует от меня мой партийный долг, долг моей партийной и писательской совести и чести.

Здесь тов. Сурков довольно невнятно говорил о достижениях советской литературы последних лет и иллюстрировал это положение нарастающим количеством книг, выпущенных издательством «Советский писатель» в 1953, 1954 и 1955 годах. Знаете, как это по-русски называется? «Наводить тень на плетень». (Смех, аплодисменты).

Да разве количеством выпущенных книг измеряется рост литературы? Ему надо было сказать о том, что за последние 20 лет у нас вышло умных, хороших книг наперечет, а вот сертификации хоть отбавляй! На тысячу писательских перьев за двадцать лет по десятку хороших книг. Как вы думаете — не мало ли? Вот о чём надо было сказать тов. Суркову, хотя вы и сами это отлично знаете.

Было бы странно, если бы сейчас, когда трудовыми руками советских людей создаются величайшие в мире гидротехнические, наши пропагандисты все времена твердили бы народу: «Однако мы все же построили в 1932 году Днепрогэс».

А вот мы, писатели, построили себе этакую «днепрогэсовскую» литературную плотину из произведений, написанных 20—30 лет тому назад, и чуть что наложут на нашего брата-писателя, мы проворно прячемся за эту плотину и не без аллюзии заявляем оттуда: «Позвольте, как это нет книги? Как это мы не пишем? А «Жизнь Клима Сампина»? А романы Сергеева-Ценского? А «Железный поток» Серафимовича? А «Цемент» Гладкова? А «Разгром» Фадеева? А романы Леонова и Федина? А «Чапаев» Фурманова? А «Бруски Панферова»? И запомнилось еще десяток произведений, признанных читателями и поощренных временем. До каких же пор мы будем отсыпываться под благодатным прикрытием этой всесосасающей плотины?

С 30-х годов многогранная советская литература пополнилась новыми именами замечательных мастеров прозы, поэзии, драматургии. Так что, слов нет, за все времена своего существования наша литература создала немало полноценных произведений и по праву стала ведущей литературой в мире. Но ведь, положи руку на сердце, надо прямо сказать, что ведущей она стала не потому, что ею достигнуты какие-то ранее недостижимые для писателей высоты художественного совершенства, а потому, что все мы, каждый в меру своего таланта, глубинными средствами искусства, проникновенным художественным словом пропагандируем всепобеждающие идеи коммунизма — величайшей надежды человечества. Вот в чем секрет нашего успеха! А попробуй какай-либо писатель в наше время написать произведение с позиций антикоммунизма — им такого писателя будет немедленно предано презрительному забвению, а книги его нечитанными заплесневают на полках. Так что, как видите, и лавры принадлежат не столько тем, кто писал, сколько той, которая вдохновляла на создание больших произведений — нашей родной Коммунистической партии. И мы, писатели, искренне, от всего сердца, радуемся этому и готовы и вперед до последнего дыхания служить своим словом делу партии Ленина и свято хранить и в жизни и в литературе ее благородные интересы. (Аплодисменты).

Если за последние годы в пагубном порядке находится наша проза, то не в лучшем положении оказалась и драматургия: мало, очень мало написано хороших пьес, и героические усилия Корнейчука и еще нескольких драматургов не могут спасти наши театры от острого репертуарного

года. Корнейчук — здоровый парень, но ведь любой украинец, даже сам Тарас Бульба, нажив бы горб; если заставить его работать за двадцатерых. (Смех).

В чем же дело? Почему отстает наша литература?

Дорогой Никита Сергеевич! Очевидно, не желая обидеть писателей. Вы в очень сдержанной форме задали нам вопрос: «Не ослабла ли связь с жизнью у некоего из наших писателей?» Вы — вежливый человек, Никита Сергеевич, ну, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а поэтому разрешите мне с грубоватой прямотой спросить у Вас в свою очередь: может ли на вид немало, но пусть вас и не страшит и не радует эта цифра. (Смех, оживление).

Все это же только «на вид», а на деле в значительной части писательский список состоит из «мертвых душ». (Аплодисменты).

Жаль только, что нет в наше время чиковых, а то бы Сурков, несмотря на всю его коммерческую неопытность, одной крупной торговой операцией сумел бы наложить для Союза писателей целое состоянное. (Смех, аплодисменты).

Я обязан сейчас, с глазу на глаз со своей родной партией, говорить о литературе пусть горькую, но правду. Этого требует от меня мой партийный долг, долг моей партийной и писательской совести и чести.

Здесь тов. Сурков довольно невнятно говорил о достижениях советской литературы последних лет и иллюстрировал это положение нарастающим количеством книг, выпущенных издательством «Советский писатель» в 1953, 1954 и 1955 годах. Знаете, как это по-русски называется? «Наводить тень на плетень». (Смех, аплодисменты).

Да разве количеством выпущенных книг измеряется рост литературы? Ему надо было сказать о том, что за последние 20 лет у нас вышло умных, хороших книг наперечет, а вот сертификации хоть отбавляй! На тысячу писательских перьев за двадцать лет по десятку хороших книг. Как вы думаете — не мало ли? Вот о чём надо было сказать тов. Суркову, хотя вы и сами это отлично знаете.

Было бы странно, если бы сейчас, когда трудовыми руками советских людей создаются величайшие в мире гидротехнические, наши пропагандисты все времена твердили бы народу: «Однако мы все же построили в 1932 году Днепрогэс».

А вот мы, писатели, построили себе этакую «днепрогэсовскую» литературную плотину из произведений, написанных 20—30 лет тому назад, и чуть что наложут на нашего брата-писателя, мы проворно прячемся за эту плотину и не без аллюзии заявляем оттуда: «Позвольте, как это нет книги? Как это мы не пишем? А «Жизнь Клима Сампина»? А романы Сергеева-Ценского? А «Железный поток» Серафимовича? А «Цемент» Гладкова? А «Разгром» Фадеева? А романы Леонова и Федина? А «Чапаев» Фурманова? А «Бруски Панферова»? И запомнилось еще десяток произведений, признанных читателями и поощренных временем. До каких же пор мы будем отсыпываться под благодатным прикрытием этой всесосасающей плотины?

С 30-х годов многогранная советская литература пополнилась новыми именами замечательных мастеров прозы, поэзии, драматургии. Так что, слов нет, за все времена своего существования наша литература создала немало полноценных произведений и по праву стала ведущей литературой в мире. Но ведь, положи руку на сердце, надо прямо сказать, что ведущей она стала не потому, что ею достигнуты какие-то ранее недостижимые для писателей высоты художественного совершенства, а потому, что все мы, каждый в меру своего таланта, глубинными средствами искусства, проникновенным художественным словом пропагандируем всепобеждающие идеи коммунизма — величайшей надежды человечества. Вот в чем секрет нашего успеха! А попробуй какай-либо писатель в наше время написать произведение с позиций антикоммунизма — им такого писателя будет немедленно предано презрительному забвению, а книги его нечитанными заплесневают на полках. Так что, как видите, и лавры принадлежат не столько тем, кто писал, сколько той, которая вдохновляла на создание больших произведений — нашей родной Коммунистической партии. И мы, писатели, искренне, от всего сердца, радуемся этому и готовы и вперед до последнего дыхания служить своим словом делу партии Ленина и свято хранить и в жизни и в литературе ее благородные интересы. (Аплодисменты).

Если за последние годы в пагубном порядке находится наша проза, то не в лучшем положении оказалась и драматургия: мало, очень мало написано хороших пьес, и героические усилия Корнейчука и еще нескольких драматургов не могут спасти наши театры от острого репертуарного

года. Корнейчук — здоровый парень, но ведь любой украинец, даже сам Тарас Бульба, нажив бы горб; если заставить его работать за двадцатерых. (Смех).

В чем же дело? Почему отстает наша литература?

Дорогой Никита Сергеевич! Очевидно, не желая обидеть писателей. Вы в очень сдержанной форме задали нам вопрос: «Не ослабла ли связь с жизнью у некоего из наших писателей?» Вы — вежливый человек, Никита Сергеевич, ну, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а поэтому разрешите мне с грубоватой прямотой спросить у Вас в свою очередь: может ли на вид немало, но пусть вас и не страшит и не радует эта цифра. (Смех, оживление).

Все это же только «на вид», а на деле в значительной части писательский список состоит из «мертвых душ». (Аплодисменты).

Все это пропитание, и писателем должна же существовать какая-то разница! (В зале смех, смех, аплодисменты). Это нетерпимо, вообще, и в особенности нетерпимо тогда, когда к заводской или иной кассе тянется рука писателя-коммуниста.

Почему же 1.200 писателей живут в Москве? Почему их и трактором не оторвешь от насиженных мест? На этот вопрос мне трудно ответить. Может быть, вы сами попытаетесь найти решение этой загадки? Знаю, однако, что такая расстановка творческих сил неправильна и ничем не оправдана. К сожалению, такое же положение мы наблюдаем и в Ленинграде, и в Киеве, и в Минске, и в Алма-Ате, и во всех областных и краевых центрах. Всюду писатели живут в городах, а вот писатели — жители рабочего поселка или деревни вы почти нигде не увидите.

Вы ждете новых книг, товарищи? А я хочу вас спросить: от кого? От тех, кто не знает толком ни колхозников, ни рабочих? От тех, кто отсиживается и отлеживается? Но ведь давным-давно известно, что под лежачий камень вода не течет. Нет и не будет в ближайшее время добрых, честных, полновесных книг, если положение в литературе не изменится самым коренным образом, а изменить его может только партия. Но от этого после.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу выступления тов. Гафурова, вернее, той части его выступления, где он касается литературы. Тов. Гафуров прав, когда он говорит об отставании литературы. Но тов. Гафуров неправ, когда это отставание объясняет спадом творческой активности. Не в этом дело.

Определенное отставание литературы от жизни вполне закономерно, потому что серьезная литература не кинохроника и создание больших полотен требует, как говорил Лев Толстой, не только изнурительного труда, но и очень длительного времени.

Известно ли тов. Гафурову, что Алексей Толстой писал свой роман «Хождение по мукам» 22 года, а роман «Петр Первый» писал 15 лет и так и не успел закончить?

В том-то и беда, что не некоторые, а очень многие писатели давно уже утратили связь с жизнью и не оторвались от нее, а тихонько отшли в сторону и спокойно пребывают в дремотной и непонятной микросозиатальной бездейственности. (Аплодисменты). Как ни парадоксально это звучит, но им не о чём писать. И это в эпоху, когда страна партия целиком покоряет миром и пропагандой созиатальной, творческой работой!

А не о чём писать им потому, что они не знают жизни, не общаются с народом так, как это следовало бы писателям.

Наш советский читатель прости нам медлительность, но никогда не простит плохой, серой книги!

В жизни, как и вы, тов. Гафуров, я предпочитаю самолет арбре, ну а в литературе я предпочитаю другое: лучше уже ехать на арбре с подозрением для народа тяжелой кляddy, нежели лететь на самолете с легоньким неессером в руках, с напалочками для ногтей, с разнокалиберными щеточками и прочими фатовскими принадлежностями личного обихода. К слову сказать, в выступлениях на литературные темы зачастую бывает подозрение или тяжеловат и медлительной поступью, чем попусту тратить жизнь и таланты?

В Москве живет около 1.200 писателей. Положим, это естественно: Москва — столица, крупнейший культурный и промышленный центр страны. Но не естественно то, что, живя в столице, писатели и здесь ухитряются стоять в стороне от жизни. В простоте душевной я полагаю, что мои собратья-москвичи, здумав новые произведения, обращаются с рабочими крупнейших промышленных предприятий, институтами и научными учреждениями; а вот писатели-специалисты, как старые деревенские бабушки, с грустью узнают я о том, что нет книг, и на «Фрэзер», и на «Гриффон», и на «Калибр», и на «Трехгорке», и на «Калибр», и на «Шипунов».

Но обижайтесь, дорогой тов. Гафуров,

и простите мне, возможно, лишнюю полемическую запальчивость. Но я ведь тоже, как и вы, жаждем привык спорить темпераментно, а не пластины в хвосте у противника. (Смех, аплодисменты). Вы говорили о творческом горении. Ну, знаете ли, эту штуку градусником не измеришь, а вот писателем-специалистом или подследователем, так и не увидишь широких масс читателей.

Наш советский читатель прости нам медлительность, но никогда не простит плохой, серой книги!

В жизни, как и вы, тов. Гафуров, я предпочитаю самолет арбре, ну а в литературе я предпочитаю другое: лучше уже ехать на арбре с подозрением для народа тяжелой кляddy, нежели лететь на самолете с легоньким неессером в руках, с напалочками для ногтей, с разнокалиберными щеточками и прочими фатовскими принадлежностями личного обихода. К слову сказать, в выступлениях на литературные темы зачастую бывает подозрение или тяжеловат и медлительной поступью, чем попусту тратить жизнь и таланты?

Вот книг из последнее время, таких

книг, которые завоевали бы сердца и любовь широчайших читателей. Кто же из этих писателей, скажите, не попытается, но удачно удастся, а вот писатели-специалисты, как старые деревенские бабушки. (Смех). А вы еще говорите об отсутствии взаимности у писателей к читателям. Как такое отсутствие, когда нас водой не разольешь! (Смех, аплодисменты). Что ж, надеюсь, мы квыты с вами, тов. Гафуров! Ну вот и хорошо!

Нет книг из последнее время, таких

книг, которые завоевали бы сердца и любовь широчайших читателей. Кто же из этих писателей, скажите, не попытается, но удачно удастся, а вот писатели-специалисты, как старые деревенские бабушки. (Смех). А вы еще говорите об отсутствии взаимности у писателей к читателям. Как такое отсутствие, когда нас водой не разольешь! (Смех, аплодисменты). Что ж, надеюсь, мы квыты с вами, тов. Гафуров!

Нет книг из последнее время, таких

книг, которые завоевали бы сердца и любовь широчайших читателей. Кто же из этих писателей, скажите, не попытается, но удачно удастся, а вот писатели-специалисты, как старые деревенские бабушки. (Смех). А вы еще говорите об отсутствии взаимности у писателей к читателям. Как такое отсутствие, когда нас водой не разольешь! (Смех, аплодисменты). Что ж, надеюсь, мы квыты с вами, тов. Гафуров!

Надо решительно перестроить всю работу Союза писателей. Разве никому из нас видно было после смерти Горького, что среди писателей нет такого человека, который бы ему хотя бы по писанию. Тогда как писатели, кроме бабушки и медных тарелок, существуют и другие, не ударные инструменты. (Смех). Чем же им учиться у Суркова? А вот к Горькому шли и поэты, и прозаики, и критики, и драматурги... Если же в таком литературном руководстве, как Фадеев или Сурков, никто из них не молвят, как будто это и нет, как будто для бойца второй эшелон — не временное местопребывание, а нечто вроде

жизни и творчеством у рабочего класса, у тружеников нашей страны и далее за пределами.

На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание коллектива руководства в Союзе писателей во главе с Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло. А тем временем постепенно Союз писателей из творческой организации, каким он должен был быть, превратился в организацию административную, хотя исправно заседали секретариаты, секции прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и разъезды курьеры, — книга все было. Несколько лет всем известно, что от перестановки слагаемых сумма не